

Уважаемые дамы и господа

прежде всего, разрешите поблагодарить Вас за предоставленную мне возможность выступить на этой Конференции, перед так уважаемой аудиторией, по случаю двадцатой годовщины основания ВШПП, выпускником которой я имею честь являться. Особенно хотелось бы подчеркнуть, что учитывая серьезные социальные изменения, происшедшие в Восточной и Центральной Европе в течение истекшей почти четверти века, мы можем отметить здесь не только двадцатилетие чисто предпринимательских субъектов, но и двадцатую годовщину организаций, имеющих своей целью не одну лишь прибыль.

Темой моего выступления являются вопросы формирования безопасности организаций в рыночной экономике с социально-экономической точки зрения. Позвольте мне коротко остановиться, прежде всего, на основной проблеме, которую я считаю необходимым выяснить. Речь идет об определении места, в котором именно сейчас мы находимся, то есть в каком историческом контексте находится та рыночная экономика, в которой мы должны заниматься формированием безопасности организаций?!? Мы много слышим о постиндустриальном этапе, иные авторитеты рассуждают о постмодерне. Говорят они это с легким сердцем, потому что не объясняют нам уже ни того, что такое индустриальный этап, ни того, что такое модерна. Я глубоко убежден, что этого совершенно недостаточно, что такие «пост описания» не проникают в сущность огромных изменений, которые мы переживаем. Позвольте мне, цитируя чешского поэта, лауреата Нобелевской премии по литературе, Ярослава Сайферта, высказать тезис о том, что «что-то прекрасное заканчивается» и что это «что-то» – это неолитический период или ранний каменный век. Заканчивается период десяти тысячелетий, когда основой благосостояния мелких и крупных компаний были люди, осевшие в одном месте и

преобразовывавшие имеющиеся там природные ресурсы в потребительные стоимости. Это было сутью неолитической революции, которая сделала возможным развитие сельского хозяйства, постепенное накопление богатства и вследствие этого также развитие человеческой культуры, а в ее рамках не только религии, но также науки и техники. Сегодня, все большие группы людей начинают передвигаться и искать свое место в мире. Более половины человечества не имеет постоянного места жительства и живет на менее трех долларов США в день. Жизнь глобальных и национальных элит также полностью отделена от конкретного места и эти люди в полной мере испытывают на себе пространство. Для них не существует никакого сегодня, вчера и завтра. Для них есть только везде и сейчас. Это охотники и собиратели, а зачастую и грабители, которые идут по миру и никогда не задерживаются так долго, чтобы могли заметить или даже ощутить на себе отрицательные последствия своего налета. Мы должны отметить, что существует еще третья группа кочевников и это кочевники виртуального мира или киберпространства. Хотим- ли мы или нет, это виртуальное пространство каким-то способом затрагивает большинство из нас и также большинство из нас в нем каким-то способом существует и может посредничеством умного киберкочевника с ноутбуком эти атрибуты своего существования легко и почти незаметно потерять. Можно так человеку украсть не только деньги, но дословно и его идентичность, причем киберкочевник не должен подняться из дивана.

Мы должны этот факт осознать и научиться с ним работать, если хотим говорить о формировании безопасности чего угодно и кого угодно. Ни одна старая парадигма не действительна, поскольку как бедные, так и богатые кочевники имеют свою мораль, которая абсолютно выходит за рамки того, что мы когда-либо прожили или читали. С точки зрения

оседлых обществ кочевники всегда были чем-то неполноценным, но сегодня кочевники начинают этими оседлыми обществами овладевать. Если мы не хотим стать жертвами бедных и отчаянных или рабами богатых и злонамеренных, мы должны попытаться найти качественно новые исходные точки. Хотя историческая правда находится на стороне тех, кто создает стоимости, возможно даже, что на их стороне также право и прошедшие столетия, как поется в одной песне, но это современным группам кочевников все равно.

Я хочу остановиться на важном понятии, каким является право и права. Мы живем в цивилизации прав. Точно так же как на заре неолита в родовой цивилизации долгое время основной цивилизационной парадигмой было выражение «Я есть», которое в цивилизации материальной постепенно преобразовалось в выражение «У меня есть», то последний период информационно-правовой цивилизации все больше характеризуется изречением «У меня есть право». Это отрадно, поскольку отзвук вопроса о человеческих и гражданских правах слышно на этой планете уже несколько сотен лет, но после достижения определенного уровня начинают появляться серьезные проблемы. Суть их состоит в том, что за изречением «Я есть» и «У меня есть» мы видим результат огромных личных усилий, личного участия и ответственности, в то время как право мы можем получить каким-то непонятным, неуловимым и отдаленным политическим актом без того, чтобы каким-либо образом мы принимали в этом участие. Более того, права продолжают существовать безотносительно к тому, чтобы мы каким-то образом вложили свой вклад в их обновление. Ко всему еще права полностью освободили нас от обязанностей, с которыми ранее они составляли неотъемлемое единство. С точки зрения нашей безопасности это имеет хотя и тривиальные, но зато фатальные последствия. Позвольте

мне привести пример. Несомненно, замечательно, если нам принадлежало право преимущественного проезда, но тот, кто его нарушил, был, к сожалению, более энергичен. Прекрасно также, если кто-то когда-то от нашего имени выиграет суд и, может быть, виновник даже получит наказание, если он, конечно, не уедет неизвестно куда, но мы сами будем давно уже мертвы. Это очень просто, неотвратимо, сурово и реально. Мы видим это каждый день.

Проблема формирования безопасности в цивилизационной парадигме, покоящейся на правах отдельного человека, предполагает взаимозависимость этих лиц, в то время как предыдущие парадигмы, основывались на односторонней зависимости или, наоборот, на индивидуальной свободе. Если мы не понимаем своих прав в контексте своих обязанностей по отношению к другим лицам, то эта парадигма взаимной зависимости становится опасной карикатурой на самое себя и быстро раскладывает общество или на отдельных индивидов, неспособных выжить, или на стадо, зависимое от чужой власти. Обширная собственность различных прав с необходимостью вызывает тенденцию к их смене, причем, прежде всего на всевозможные материальные и финансовые блага. Проблема в том, что это также наилучший способ, как таких прав лишиться, причем абсолютно законным образом. Еще не прошло полвека с проведения первой современной опционной биржи, а сегодня мы видим, что продать можно практически все, потому что все больше и больше нематериальных благ, то есть прав удастся успешно оценить, то есть поставить против них определенную сумму денег, которая затем позволяет легко сменить их на что-либо иное. Это естественно ведет, к массивной задолженности тех, которые не имеют ничего, кроме своих прав и превращает их в недееспособных индивидов, всецело зависящих от своих кредиторов. Речь идет отнюдь не только о бедных. Большинство так

называемого среднего класса на Западе имеет ипотеки и всевозможные иные виды займов и кредитов. Это при принятии решений в общественных делах превращает их в несвободных граждан, которые ведут себя так, чтобы у них была возможность продолжать погашать свои долги. Следовательно, лидерами так называемых «свободных демократических выборов» являются не, политические партии и их программы, а кредиторы большинства населения и система, которая держит людей в кабале кредитов. Современные государства не нуждаются в широком охранном и репрессивном аппарате, который бы удерживал население в состоянии покоя. Вполне достаточно того, что ему угрожает социальный коллапс, как следствие непогашенных займов. Принятие законов и правил парламентами якобы суверенных государств под диктатом экономических элит превратилось в самый доходный бизнес современности. Небольшая перестановка слов сделает из вора, честного торговца, а из террориста героического партизана. Поправки к закону делают недействительными действующие контракты и соглашения. Это такой уровень контроля реальности властью, которому трудно сопротивляться. Не зря, более двух веков назад Александр Гамильтон написал в «Письмах федералистам», что принятие решений в общественных делах нельзя вверять в руки людей несвободных и неимущих, то есть тех, которым при этом нечего терять. Такие люди при принятии решений безответственны и манипулируемы теми, которые предложат им буквально крошки с господского стола.

Позволю себе также обратить внимание на одну весьма обманчивую иллюзию, которая запрограммирована в наше мышление. Иллюзия заключается в том, что в рынке мы действуем как свободные люди, свободные индивидуумы и организации. Большинство современных экономистов выросло на учебниках Самуэльсона, который на многих страницах доказывает тривиальные материальные отношения, но оставляет

без каких-либо комментариев ключевую предпосылку, что люди вступают в эти отношения свободными. Модель которую я сегодня представляю, ясно указывает на то, какие мы есть разные и как мало среди нас хотя бы немного свободных. Наши действия, в основном, совершенно не свободны, потому что сильно ограничены не только нашими собственными внутренними границами, но и теми снаружи, которые имеют власть. Модель позволяет заниматься властью и ее разделением, также как и любым другим объектом. Она ясно показывает группы вокруг нас, которые господствуют и над какими господствуют, также как и группы, которые занимаются распределением и перераспределением власти.

Уважаемые дамы и господа, теперь попробуем ответить на вопрос, существует ли инструмент, при помощи которого мы бы могли все эти факты увидеть и осознать их раньше, чем они обрушатся на нас с разрушительной силой. Позвольте мне попытаться сделать это. Основным понятием этой попытки создания системной модели будет понятие «среда». Среду мы будем определять как все, составной частью которого мы являемся, включая нас самих. Речь идет об упорядочении неравновесия в пространстве и времени, а из этого следует, что среда имеет тройное содержание: пространственно-временное, энергетическое и информационное. Эти содержания находятся между полярностями времени, пространства, энергии, материи, хаоса и информации. Эти полярности можно классифицировать в соответствии с типом среды по-разному. Одним из наиболее простых вариантов, является разделение на внешнюю и внутреннюю, активную и пассивную, известную и неизвестную.

Организацией в этом случае мы назовем явление, которое разделяет среду на две части, выступающие по отношению друг к другу как внешнее и внутреннее. Организация в экономическом смысле этого слова - это

орудие для удовлетворения потребностей как базовых, необходимых для выживания или существования, так и производных, необходимых для удовлетворения желаний. Организации в экономическом смысле этого слова являются чаще всего корпорациями, которые несут личностный субстрат. Их основой, также как основой их безопасности, является доверие между личностями, которые ее образуют, так же как доверие к личностям в ее внешней среде. Систему таких отношений, которые несут в себе меньший или больший объем доверия, мы можем с преувеличением назвать социальным капиталом, но по существу речь идет ни о чем ином, как об обыкновенном доверии между людьми, которое является основным носителем каждого человеческого сообщества и лежит также в основе институциональной доверия. Модель указывает нам также на то, что личностная среда каждой организации образуется ее стейкхолдерами, то есть лицами, интересы которых каким-то образом затрагиваются организацией. Среди них мы можем найти группу shareholder-ов, то есть тех, кто владеет организацией. Можно привести еще одно расчленение с точки зрения формирования безопасности организации. Речь идет о том имеет ли эта организация специальное предназначение или является естественной. Несмотря на всю свою сложность, организация, за исключением указанного ниже, является всего лишь инструментом для продвижения определенной мысли, идеи или смысла, а это, как правило, находится вне его самого, точно так же, как вне его находится, как правило, тот человек, который его контролирует и интерес которого при помощи этой организации продвигается в среде. Такие организации, а их подавляющее большинство, мы будем называть организациями специального назначения. Как смысл организации, ключевой интерес, так и его носитель – это составные части иного уровня логического типа, чем сама организация. Поэтому сохранять организацию имеет смысл только в том случае, если она служит этому интересу, а любое сожаление о

традиции ее существования вредит среде, в которой нефункциональная организация или институт, существующие сами по себе, могут вызывать большие проблемы и наносить значительный ущерб своей среде. Наглядным примером отличной организации, назначение и смысл которой находится за ее пределами, является судьба воинских подразделений от подразделения до армии. Нам так же известны трагические следствия для общества, когда армия превращается в «вещь в себе». На этом следует остановиться более подробно, чтобы описать весьма важные исключения, которые мы будем называть естественными организациями. Главное в их определении это то, что они происходят из равноправной воли своих основателей и функционируют на основе взаимно согласованных ими принципов без определяющего внешнего влияния. Но именно естественные организации подвержены значительным ограничениям, которые, как правило, включены в понятие «культурные универсалии».

Безопасность в этом контексте – это понятие, обозначающее свойство определенной среды, ее части или элемента (лица, явления, процесса или вещи), которое отражает степень его (их) способности не вредить своей среде, включая самое себя. Среду мы обозначим поврежденной, если любая из ее частей лишена возможности своего дальнейшего существования, если вводятся ограничения или препятствия для осуществления ею полезной деятельности. Степень способности части среды не наносить ущерба своей среде находится на шкале между состояниями безопасности и опасности. Безопасность в экономике, как в среде экономической практики является, таким образом, мерой того, как эта практика способна предотвратить не только прямой экономический ущерб, но также целый ряд внешних факторов, расходы которых покрываются другими средами и их компонентами. Главное место среди внешних факторов занимают так называемые «рыночные пузыри»,

которые являются по существу ничем иным, как чрезмерным накоплением определенных материальных или нематериальных благ и финансовых средств. Категория безопасности в экономической науке является, таким образом, понятием, без которого нельзя обойтись при определении фактической производительности экономической практики.

Если мы образуем тройную комбинацию полярностей среды, то получим кубическую модель, которая состоит из восьми октантов, каждый из которых представляет как раз одну тройку. Кроме того, любой из октантов может восприниматься как самостоятельная среда более низкого уровня, а каждая модель среды может быть одним из октантов среды более высокого порядка. Это явление называют себеподобием, а такое образование, которое представляет наша модель, мы можем, сославшись на Б. Мандельброта назвать фракталом. Модель среды имеет целый ряд вариантов, может быть в различной степени сложным, но имеет одно важное свойство. Сочетание свойств в среде необходимо существует, а неравновесия в ней действуют, причем безотносительно к тому, умеем ли мы их найти, правильно описать или даже управлять ими. Речь идет о системе, подобной той, какую представляет собой знаменитая таблица Д. И. Менделеева, которая имела свободные места, которые постепенно заполнялись. Как периодическая система элементов она по-прежнему действительна, хотя современное познание мира элементарных частиц гораздо более подробно, и мы, несомненно, могли бы найти и другие способы их упорядочения.

Важно ответить на вопрос, посредством чего мы воспринимаем нашу среду. Практический опыт, также как научное познание свидетельствуют о том, что свою среду мы воспринимаем через ее собственные изменения, причем в той степени, в какой мы в состоянии их уловить. Изменения – это реализованные неравновесия и потенциалы, из которых среда устроена. Их

мы можем за конкретными изменениями подозревать, но для нас проблематично их конкретно описать, точно так же, как проблематично по луже воды определить вид куска льда, при таянии которого вода появилась. Кстати, обратно это сделать гораздо проще. Таким образом, мы довольно ограничены на пути к познанию сущности явлений, которые воспринимаем, а тем самым и к познанию сущности мира, в котором живем. То, что из него мы воспринимаем, - это упорядочение изменений среды. Далеко не все ее изменения в каждой ее точке имеют между собой какие-то логические или причинные связи, найти которые мы так стремимся и которые являются целью нашего научного изучения. Часто во всей такой среде изменений мы найдем лишь несколько траекторий точек, которые образно сказано, отвечают конкретной шахматной партии в среде всех возможных игровых ходов и позиций. Такую среду описал более пятидесяти лет назад Анри Пуанкаре, а называем мы ее фазовой средой.

На этом месте я разрешу себе образное сравнение. Сегодня существует большой спрос на карты, которые хотим иметь в руках, когда идем в неизвестность. При этом мы забываем на две вещи: карта – это не местность и довольно спорно, может ли существовать карта неизвестного. Несмотря на это, значительная часть из нас уверена, что лучше идти по Сибири с картой Украины, чем без карты, поскольку какая-нибудь карта должна быть лучше, чем никакая. А именно это заблуждение делает из проблематики безопасности прибыльный и опасный бизнес.

В контексте нашей современной темы формирования безопасности организаций для нас важно то, что модель содержит октанты, где встречаются энергия и хаос, пусть уж они находятся где угодно. Они находятся здесь, и их существование мы должны принять и научиться жить с ними. Пусть это будет для нас предостережением о том, что если мы будем применять модель к человеческому индивиду, то необходимо

будет также признать, что в каждом из нас есть часть такой среды, в которой встречаются хаос и энергия, и быть осторожными, когда эта часть нашего «Я» нас попытается контролировать. Это может быть как нашей темной, как и светлой стороной. Проблема, однако, заключается в том, что с ними трудно справиться. Что касается нашей нынешней социальной и экономической жизни, то мы отчетливо видим, что с силами, действующими в этих октантах, мы не справились. Отчасти также потому, что пытались приложить к ним инструменты, которые мы вынесли из мира, в котором господствует определенный порядок, действуют статистические методы и количество вероятностей, в частности кривая Гаусса. Но это не мир Гаусса, это мир Мандельброта, мир нелинейный, фрактальный с огромным и неожиданным неравновесием. В мире Гаусса есть прошлое и будущее, в нем можно во многих случаях предвидеть будущее развитие с высокой вероятностью. В мире Мандельброта есть в принципе только то, что мы можем называть самым близким будущим, то есть пространство, которое открывается и которое тот час же заполняется реальностью. В социальном и экономическом контексте мы являемся свидетелями такого поведения в случае интересов, потребностей и, в частности, желаний, которые без устали заполняют каждое пространство, которое открывается перед ними, независимо от того, будут ли они в нем успешными или нет.

Позвольте мне привести небольшой пример функционирования модели для среды интересов. В каждой организации существует среда, в которой находится контролирующий и контролируемый интерес, а также среда, где расположено распределение и перераспределение контролируемого интереса. Очевидно, что если перераспределение контролируемого интереса попадает в среду октанта, где встречается хаос и энергию, то можно в скором будущем ожидать существенных изменений. Снова обращаю

внимание на то, что это сочетание полярностей необходимо существует как по отношению к внутренней организации, так и внешней. Этой средой нельзя управлять, но мы можем надлежащим образом ее изолировать или компенсировать. На практике это означает, что мы не будем пытаться всю систему, которую наша модель представляет, каким-то образом оптимизировать, при помощи некоего золотого среднего пути, который будет соответствовать кривой, рассчитанной на основе самых современных математических методов. Это означает, что мы будем существовать одновременно в полярностях, поэтому из них мы создадим что-то вроде гантели, которая позволит нам лучше поддерживать динамическое равновесие нашей среды.

Здесь выходит на сцену большая проблема формирования безопасности организации, а тем самым и вопрос нашего действительного познания по отношению к среде. Прежде всего, позвольте мне высказать тезис о том, что то, под чем мы в настоящее время буквально погребены, это не информация, а лишь данные. Это зашло так далеко, что у нас уже есть профессия, которая называется «datamining», то есть, горное дело данных, которое имеет своей целью найти в тоннах пустой породы данных залегающей применимой информации. Но информация - это далеко еще не знания, а от них нужно пройти долгий путь к познанию, которое, однако, еще не мудрость, за которой только следует смирение. В этом своем выступлении я бы хотел подчеркнуть другую шкалу с точки зрения безопасности. Я имею в виду шкалу того, что действительно существует, того, что мы об этом действительно знаем и того, что думаем, что знаем. Наиболее опасной очередностью в этой последовательности является именно та очередность, когда то, что мы думаем, что знаем, выходит за рамки того, что мы действительно знаем. Я назвал бы это очень опасной эпистемической гордостью. Наоборот, если то, что мы считаем, что мы

знаем, находится между тем, что есть в действительности и тем, что мы действительно знаем, я бы говорил о безопасной эпистемической скромности.

Возможно, вы спросите, почему именно это с точки зрения формирования безопасности столь важно. Если согласиться, что где-то существует в принципе неисчерпаемый источник социального и экономического развития, то он находится именно в области человеческого и общественного познания. Ответственность научного сообщества в этом смысле огромна и оказывается, что не только ошибка в области ядерной физики и техники, но и ошибки в других науках могут уничтожить наш мир. Экономия как наука занимает среди этих наук первое место. Ее ответственность огромна и никогда в истории не была и не будет больше. Каждое из ее настоящих утверждений порождает большие надежды, а ошибка имеет своим следствием большие людские и социальные трагедии. Достаточно упомянуть лишь об опасных взглядах на предсказуемость поведения опционных рынков, на ипотеки, как виде социального страхования или постоянные заверения о власти и автономном поведении рынков. Рынки были, есть и останутся ограниченными пространствами с богатой структурой правил, которые в них вносились, вносятся и будут вноситься извне теми, кто контролирует рынки. Свободный глобальный рынок в абсолютном понимании смысла этого слова является чистым нонсенсом.

Позволю себе упомянуть ещё одно важное достоинство этой кубической модели. Её результатом не является какая-либо цифра и вообще цифры не используются. Таким образом мы ограждены от нашей одержимости точными цифрами, полученными от неточных данных. Мы, люди, любим простые и красивые математические отношения и верим тому, что чем они проще и красивее, тем больше вещей они могут охватить. Это неверно,

потому что везде там, где в эти отношения входит человек и будущее, правдоподобность ошибок возрастает в разы и даже многократно. Это модель никогда не сообщит, что безопасность составляет, например, 3,98877665 или как тот компьютер в известной книге сообщил, что смысл всего есть просто 42. Мы позволяем скорее цифрам манипулировать нами, чем понять, как они возникают, что касается даже и некоторых из нас, кто это понимает. Представление, что то, что на одну десятую больше, автоматически лучше и тогда, когда статистическая погрешность составляет 10, является опасной победой манипуляции над здравым смыслом.

Данная модель является определённой формой, которая заставляет нас задуматься, как ее правильно наполнить, как найти как можно объектов для изучения, которые отвечают комбинациям собственности в отдельных октантах. Это несколько напоминает форму английского сонета, который заставляет поэта подстроиться под все его обязательные части. Форма сонета сложная, но очень воодушевляет. При существующих приложениях и данная форма модели оказалась вдохновляющей и я только могу высказать скромное пожелание, чтобы так было и дальше.

На марже моделей, которые имеют как результат простую формулу, образец и число, позволю себе сделать небольшое примечание. Прошло сто лет с тех пор, как тяжелый удар получила техническая спесь Запада и непотопляемый Титаник утонул, хотя тогдашние технические элиты утверждали, что это невозможно, а, другими словами, что вес Титаника никогда не может быть больше веса жидкости, которую он вытесняет. Это в принципе такая же глупость, как и то, что рынки стремятся к равновесию ... (свист)

Тогда этому один неизвестный идиот не поверил и купил несколько сотен таких свистулек. Есть свидетельства тому, что его высмеивали, а пищалки

ему не оплатили из-за того, что это были излишние затраты. Эти копеечные куски жести, в конце концов, спасли в темноте и холоде больше людей, чем весь Титаник, который естественно не имел никакую защитную систему, потому что он не мог утонуть.

Модели, которые нам навязывает финансовый мир и его знаменитые институты, намного опаснее модели односторонней неровности закона Архимеда. Титаник погубил почти две тысячи людей, которые оплатили поездку и верили в непотопляемость корабля, а финансовые модели превращают в нищих миллионы людей, которые не купили билет, однако имеют беду, что живут в стране, которой руководят те, кто хочет наполнить свои карманы миллиардами. Правдой есть и то, эти обнищавшие люди ответственны за то, что они выбрали руководить ими таких воров.

В заключение, уважаемые дамы и господа, позвольте мне высказать в духе указанной выше эпистемической скромности несколько идей, которые не являются ответом на традиционный вопрос о том, что делать, а скорее на его дополнение, то есть чего не делать.

Во-первых: нельзя допускать чрезмерного роста всего нестабильного, непрочного и хрупкого, оно должно упасть, пока еще мало.

Вообще, какие угодно субъекты не должны были бы, благодаря нашему равнодушию или даже при нашем активном содействии вырасти настолько, чтобы мы начали бояться их падения. Глобализация и развитие в экономической области способствует наибольшему росту именно тех, кто несет наиболее явных и скрытых рисков. Этот процесс увеличения большого одновременно подавляет разнообразие и уничтожает малое, даже если оно будет как угодно здоровым и жизнеспособным.

Во-вторых: нельзя верить власть над своей жизнью и судьбой снова людям, которые однажды или даже неоднократно имели сбой.

Понятно, что тот, кто потерпел аварию с автобусом, кто управлял в нетрезвом состоянии и с завязанными глазами, не должен получить новый автобус, чтобы снова мог убивать или калечить других людей. Но, тем не менее, мы верим, что люди, которые привели нас к большому экономическому кризису, могут нас из него снова вывести. Политики, чиновники, банкиры, ученые и журналисты, все они лицом к лицу к приближающемуся кризису смертельно сорвались. Теперь они снова интенсивно пропагандируют методы, которые привели нас к кризису (value at risk).

В-третьих: нельзя верить долгосрочного управления рискованных проектов людям, которые ориентируются на выработку или даже получают вознаграждение в соответствии краткосрочной производительностью.

Мы можем понять, что если корова должна выжить в долгосрочной перспективе, то ее хозяин не может быть вознагражден в соответствии с ежегодной удойностью. Мы знаем также то, что машинам необходимо регулярное техническое обслуживание, что снижает их краткосрочную производительность. Некоторые из нас понимают даже то, что атомной электростанцией не может управлять команда, которая хочет получить как можно больше киловатт-часов, но лишь немногие готовы признать, что верить деньги в долговременное попечение тому, кто оплачивается в соответствии с тем, сколько на них заработает в краткосрочной перспективе, - это наилучший способ разориться.

В-четвертых: нельзя допускать систематической приватизации прибылей и социализации убытков.

Любая частная собственность, требующая очистки, причем, если это социально необходимо, должна быть немедленно национализирована. Всё остальное пусть будет небольшим, частным и подверженным риску. Некоторые из нас помнят, как в 80-е годы правящие социалисты во Франции взяли на себя руководство банками. Все мы, однако, помним как в Европе и США банкиры приняли на себя руководство государством. Современное развитие содержит в себе самое плохое от обеих политических карикатур реальности, то есть реального социализма и капитализма.

В-пятых: нельзя пытаться безуспешно оптимизировать сложные комплексные явления, нужно компенсировать их простотой.

Комплексность и пределы глобальных экономических и финансовых связей, создают сами по себе опасные рычажные эффекты, суть которых состоит в требовании наибольшей эффективности. Это в сочетании с масштабной задолженностью имеет масштабные и непредсказуемые неравновесия. В результате получается больше отрицательных, чем положительных эффектов, а отрицательные эффекты являются разрушительными для больших групп населения и их организаций. Положительные эффекты, наоборот, касаются узкой группы людей. Тем не менее, действительно то, что комплексные системы, не выживают не потому, что они оптимизированы в соответствии с моделями, представленными специалистами, в том числе лауреатами Нобелевской премии (Блэк, Шоулз и Мертон), а потому, что содержат резервы и избыточности, которых мы из-за их сложности попросту не замечаем. Этим процессам можно противопоставить структуру простых, местных операций, которые являются не только альтернативой, но прежде всего противовесом, вносящим вклад в общее динамическое равновесие.

В-шестых: нельзя занимать задолженным.

Мы понимаем, что новые наркотики наркомана никак не вылечат, а только убьют, но по неизвестным причинам думаем, что задолженному субъекту помогут новые кредиты, а государству - печатание денег.

В-седьмых: нельзя использовать финансовые рынки и рынки вообще как хранилище для своих активов.

Мы должны заботиться скорее о результатах своего бизнеса, который должны иметь под контролем, а не испытывать опасения об инвестициях на рынках, которые контролировать не можем. Значительную часть своих запасов и резервов лучше всего дефинанциализировать и материализировать. Чем вкладывать их в комплексную среду рыночных активов, скорее будет лучше их от рыночной среды изолировать. Инвестирование должно быть скорее развлечением состоятельных людей, чем кошмаром большинства. Вложение государственных резервов и пенсионных средств в ценные бумаги должно быть запрещено.

В-восьмых: нельзя обновлять действительного доверия там, где его невозможно даже создать.

В сложных комплексных средах нельзя достичь не только отдельного человеческого взаимодоверия, которое эволюционно ограничено максимальным числом связей около ста, но в такой среде нельзя достичь даже институционального доверия. Доверие в такой среде подпитывает такие типы мошенничества, которые можно назвать схемами Ponzi (самолет), из которых самым известным была империя Бернара Медоффа. Правительствам не следует призывать к восстановлению доверия, его нужно создавать, посредством простых и понятных шагов, везде, где это действительно возможно. Призыв правительства к восстановлению доверия к финансовым рынкам в их комплексе – это бесполезное дело и обман граждан.

В-девятых: нельзя верить взрывчатые вещества, яды и потребительские кредиты в руки людям, даже если к ним прилагаются подробные инструкции на многих языках.

Правила и законы нас должны защищать, прежде всего, от нас самих. Утверждение, что мы управляем средой комплексных финансовых продуктов, что мы являемся осведомленными партнерами их продавцов – это чисто господская гордыня. Не секрет, что сами банкиры не знают, что продают. Они хотят лишь получить вознаграждение от результатов и объема продаж, а вину валят на клиентов.

В-десятых: нельзя плакать над разбитыми яйцами и разлитым молоком, нужно попытайтесь сделать хоть немного съедобный омлет.

Воспользуемся возможностями, которые кризис принес и постоянно приносит для того, чтобы создать новую, более безопасную экономику и более устойчивое к гордыне и ошибкам общество. Не нужно стремиться построить новый и еще больший «Титаник», лучше построить флот небольших современных надежных судов, которые удержат нас над водой и перевезут нас на многие места. Не надейтесь, что кто-то придет и сделает это за нас.

Уважаемые дамы и господа,

Позвольте мне закончить свое выступление утверждением, что мы сами являемся именно теми, которых ожидаем. После второй мировой войны Сэмюэл Беккет сочинил абсурдную драму «Ожидание Годо». В этой пьесе два человека с большой надеждой и почти святым почтением ожидают, что какой-то господин Годо придет и изменит их судьбу. Я видел эту пьесу несколько раз, но г-н Годо так ни разу и не пришел. Тем не менее, степень абсурдности этой пьесы не достигает абсурдности сегодняшней реальности, когда здоровые, способные и образованные люди ждут

пришествия Спасителя, не осознавая того, что только сами они могут спасти себя.

Поэтому я с большим уважением отношусь к людям, которые не смотрят пассивно вокруг себя, не прогнозируют будущего точными методами из неточных данных и не предвещают приближающегося спасения или катастрофы за горизонтом. Я уважаю людей, которые выступают с открытым лицом и вносят конкретные предложения для решения проблем, даже если они хорошо знают, что им тоже не дано абсолютной истины. Образно говоря вместе с Борисом Полевым и его «Судьбой человека», они не легли на дно судна и не ждут, куда их прибьют волны и течения, но гребут, рулят и управляют своими судьбами, а вместе с этим также судьбами других. Поэтому позвольте мне с этого места именно сейчас, после долголетнего, более чем 18-летнего знакомства, сказать комплимент своему учителю, профессору Виталию Кошкину. Его работа в деле поиска решений для народа вашей страны является самым большим вкладом, заслуживающим справедливой оценки при чествовании его предстоящего жизненного юбилея.

Спасибо за внимание.